

**Брак и антихрист: столетие
противостояния браку среди
крестьянок Спасова согласия**
Абы Саррафович Шукюров
(sukurovaby@gmail.com),
независимый исследователь.

**Marriage and the antichrist: a century
of opposition to marriage among
peasant women of the Spasovo
Soglasie**
Aby S. Shukyurov
(sukurovaby@gmail.com),
independent researcher.

Резюме: Рецензия на книгу Джона Бушнелла – американского историка, профессора Северо-Западного университета колледжа Вайнберга (США). В основе книги – описание практики безбрачия в XVIII-XIX веках у крестьянок из среды старообрядцев Спасова согласия и его влияние на жизнь крестьянских дворов. Автор серьезным образом дополняет и углубляет имеющиеся представления о разнообразии типов брачности среди крестьян в Российской империи. В какой степени ранняя и всеобщая брачность была универсальной моделью для представителей всех направлений православия? Книга будет полезна для широкого круга интересующихся российской историей, начиная от крестьяноведов, демографов и историков периода Российской империи, и заканчивая рядовым читателем.

Ключевые слова: Спасово согласие, история безбрачия, старообрядцы-беспоповцы, ревизские сказки, исповедные ведомости, сопротивление браку, крестьянство, Российская Империя.

Для цитирования: Шукюров А. С. (2022). Брак и антихрист: столетие противостояния браку среди крестьянок Спасова согласия. Демографическое обозрение, 9(3), 115-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16473>

Abstract: Review of a book by John Bushnell, American historian, professor at Northwestern University, Weinberg College (USA). The book is based on a description of the practice of celibacy in the XVIII–XIX centuries among peasant women from among the Old Believers of the Spasovo Soglasie and its impact on the life of peasant households. The author seriously supplements and deepens existing ideas about the variety of types of marriage among peasants in the Russian Empire. To what extent was early and universal marriage a universal model for representatives of all branches of Orthodoxy? The book will be useful for a wide range of people interested in Russian history, from scholars of peasant studies, demographers, and historians of the period of the Russian Empire to the average reader.

Keywords: Spasovo Soglasie, the history of celibacy, bespopovtsy old believers, census records, isповедные ведомости, resistance to marriage, the peasantry, the Russian Empire.

For citation: Shukyurov A. (2022). Marriage and the antichrist: a century of opposition to marriage among peasant women of the Spasovo Soglasie. Demographic Review, 9(3), 115-120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16473>

Джон Бушнелл – малоизвестное имя для российских демографов. Гораздо больше о нём знают специалисты по военной истории России, и в последнее время специалисты по старообрядцам. С 1980 по 2020 г. он был сотрудником департамента истории Северо-Западного университета колледжа Вайнберга (США), в котором занимался военной историей России, крестьяноведением и постсталинским периодом СССР¹. Автор не одно десятилетие знаком с жизнью в России: уже в середине 1970-х годов Джон Бушнелл работал переводчиком в издательстве «Прогресс» и в Московской патриархии.

Среди его опубликованных работ: «Mutiny amid Repression» (1985), «Moscow Graffiti» (1990) и книга «Russian peasant women who refused to marry: Spasovite old believers in the 18th-19th centuries» (2017). Последняя книга была переведена и опубликована в 2019 г. издательством «Новое литературное обозрение» под не очень удачным названием «Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок». В оригинале название книги звучит менее провокативно и более конкретно, а именно «Русские крестьянки, отказавшиеся выйти замуж: спасовские старообрядцы XVIII-XIX вв.». Но даже из этих отличающихся друг от друга названий нам становится ясна попытка автора заняться более глубоким изучением разнообразия моделей брака в России периода империи, поставить под сомнение широко распространенные представления о тотальной универсальности раннего и всеобщего брака среди русских крестьянок.

Джон Бушнелл реконструирует брачные практики крестьянок из среды старообрядцев Спасова согласия, обращаясь к исповедальным ведомостям и ревизским сказкам, хранящимся в федеральных и региональных российских архивах, среди которых Владимирский архив, Центральный архив Нижегородской области, Государственный архив Рязанской области и другие. Автор приходит к выводу о катастрофически высоком уровне безбрачия среди крестьянок Спасова согласия, что в конечном итоге привело многие деревни к демографическим катастрофам, о которых мы расскажем ниже.

Автор занимался подготовкой книги о брачных традициях старообрядцев в России, когда в ходе работы в архивах наткнулся на необычные материалы, которые и стали фундаментом его книги. В поле зрения Бушнелла попали исповедные ведомости конца XVIII века из прихода села Купля Гороховецкого уезда Владимирской губернии, из которых следовало, что практически половина местных крестьянок в возрасте до 25 лет были не замужем. Как отмечает автор: «*Даже эта цифра сильно преуменьшает сопротивление случковских² женщин браку: ревизские сказки показывают, что из всех женщин, родившихся в этой деревне и достигших возраста 25 лет в период между 1763 и 1795 гг., целых 70% остались незамужними...*» (Бушнелл 2020: 5)³. В дальнейшем автор сопоставил комплект ревизских сказок с середины XVIII до середины XIX века и пришел к выводу, что демографическая история брачности в других селах с высокой долей старообрядцев схожа с демографической историей брачности прихода села Купля.

Оценка численности староверов и членов Спасова согласия имеет ряд трудностей: во-первых, учитывая размах принятых в отношении них государством преследований и ограничений, они предпочитали записываться как православные: «*Они крестились в*

¹ <https://www.scholars.northwestern.edu/en/persons/john-starkes-bushnell>

² Случково — одна из деревень прихода села Купля.

³ Далее при цитировании данной книги будут указаны только номера страниц.

церкви, венчались в церкви и перед венчанием исповедовались и причащались в церкви. Приходские священники обычно включали их в списки православных...» (6). Критерии Министерства внутренних дел Российской империи, на основе которых человека причисляли к старообрядцам, были косвенными, а именно – отсутствие человека на ежегодной исповеди по наречению и наличие причащения, но не исповеди.

Другая причина – занижение численности старообрядцев по отношению к православному населению, что объяснялось взяточничеством среди священников и их страхом передать неутешительные данные на более высокий уровень церковной иерархии. Павел Иванович Мельников, чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел, занимавшийся исследованием и борьбой со старообрядцами, оценивал их численность на 1859 г. в 9 млн 300 тыс. Д. Бушнелл считает эту оценку заниженной, так как *«Мельников, похоже, не знал о наличии – и это впоследствии станет очевидно – большого количества спасовцев также и в Костромской и Ярославской губерниях, где их было, возможно, больше, чем в любой другой из названных им губерний, кроме Нижегородской...»* (19). Если говорить о спасовцах, то их количество в середине XIX века, по мнению автора, равнялось минимум одному миллиону, а в первом десятилетии XX века – от 2,5 до 3 млн.

Книгу можно разделить на 2 крупные части: в первой автор рассказывает о моральной экономике браков среди русских крестьян, а во второй рассматривает вопрос сопротивления браку среди крестьянок Спасова согласия и среди других направлений раскольничества.

В первой части Д. Бушнелл подробно останавливается на экономической стороне браков, называя это брачным рынком. В Российской Империи существовали различные виды дополнительных сборов, которые крестьяне должны были платить, и одним из таких сборов были выводные, которые платились в том случае, если крестьянка выходила замуж за крестьянина не из своей вотчины. Размер выводных был фиксированным по всем именьям. Существовала рыночная цена, но в некоторых случаях помещики могли устанавливать непомерный для крестьян размер выводных, как это сделал граф Борис Шереметев, поднявший цену с 25 коп. до 5 руб. в 1717 г. Крестьяне восприняли эту меру с явным недовольством, и в итоге Шереметев вернул сумму выводных на прежний уровень. Как отмечает автор: *«Долгое время русские помещики признавали право крепостных на заключение браков по собственному усмотрению и тот вред, который мог быть нанесен попытками регламентировать браки крепостных или нажиться на них...»* (29). Имел место устный договор, согласно которому брак представлял собой процесс обмена женщинами между различными именьями. Зачастую аргумент о том, что крестьянин выдал свою дочь замуж за крестьянина из другого имения, предполагал возможность просить в челобитной для его сына жену из другого имения. Наличие полноценной семьи было необходимым элементом для поддержания жизни двора и в особенности для поддержания жизни бедного двора.

Эти принципы оставались актуальными до 1750-х годов, после чего значительная часть дворянства отказалась от единой позиции и стала активно контролировать браки крестьян. Д. Бушнелл приводит многочисленные свидетельства того, как помещики налагали ограничения на переход девиц в другую вотчину при замужестве, считая, что это приведет к обеднению имения. Методы контроля могли быть разными, включая полный запрет на переход в другое имение или увеличение размера выводных. Другим вопросом,

который заботил дворян, была брачность крестьянок: они начали вмешиваться и в этот процесс, заставляя их выходить замуж. Контроль над брачностью заключался в установлении предельного брачного возраста, который, как правило, равнялся 20 годам. За нарушение предполагались штрафы и (в крайнем случае) высылка протестующей женщины.

Вместе с тем автор призывает нас быть осторожными при анализе политики помещиков в отношении браков и не воспринимать её как агрессивную политику принуждения, поскольку *«универсальный и относительно ранний брак — это, скорее, было то, к чему местные крестьяне сами прилагали все усилия»* (57). Отсутствие мужа у женщины считалось чем-то постыдным и противоестественным, хотя такой подход был больше распространен там, где взрослые незамужние женщины действительно были редкостью.

Так почему же после 1750-х годов помещики вторгаются в брачную жизнь крестьянок? Дело в том, что в некоторых имениях женщины действительно отказывались выходить замуж. На это жаловались крестьянские мужики, жалобы которых и открыли помещикам глаза на проблему. Наличие высокой доли незамужних и поздней брачности стало угрозой для помещиков, *«тормозя таким образом образование тягла, ядром которого в большинстве имений являлась супружеская пара»* (67).

Во второй части работы нас подводит глава, в которой помещики начали понимать, что важной причиной отказа от брака являлась принадлежность крестьянок к сообществу староверов.

Д. Бушнелл демонстрирует многочисленные таблицы, где рассчитана доля окончательного безбрачия среди крестьянок и крестьян, при этом в качестве нижней планки автор берет 25 лет. Автору существенно помогли ревизские сказки, благодаря которым он сумел определить долю состоявших в браке и географию поиска жен мужиками. Автор учитывает такую проблему как возрастная аккумуляция, оценивая погрешность в $\pm 1-2$ года.

Анализируя географию безбрачия, автор пишет, что *«незамужние женщины в значительных количествах находились [...] в сопредельных Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях, и есть недвусмысленные свидетельства того, что женщины, противящиеся браку, были из старообрядцев»* (97). Кроме того, высокое сопротивление браку было сконцентрировано и во Владимирской губернии. В то же время это не было характерно для Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской и других губерний к югу и западу от Москвы.

Центральное место в книге занимает приход села Купля Гороховецкого уезда. Д. Бушнелл обращает внимание, что *«мы можем проследить здесь появление неприятия брака уже в начале XVIII в. и увидеть, как к концу столетия оно достигает таких масштабов, что ставит под угрозу выживание местной общины»* (125). Среди тех, кто оставались безбрачными в селе Купля, основную долю составляли старообрядцы Спасова согласия. В 1763 г. около 67% жителей в селе Купля не были местными, а между 1763 и 1782 г. их доля равнялась 65%. Мужчинам было крайне трудно найти жену в пределах 10 км, так что порой они преодолевали рубеж в 20 км.

При этом между деревнями прихода села Купля имели место серьезные различия. Если в деревне Пешково доля окончательного безбрачия среди женщин в 1795 г.

составляла 6%, то в деревне Случково – 44,3%. Согласно ревизской сказке 1795 г. члены 14 дворов из 25 в деревне Случково состояли по большей части из старообрядцев. К концу XVIII века 70% женщин этой деревни отказались вступать в брак. Аналогичная ситуация наблюдалась и в поморских дворах, и в тех дворах, где было сильно присутствие староверов-беспоповцев: *«Неприятие замужества неуклонно разрасталось и к 1795 г. стало практически всеобщим явлением в д. Случково, а к 1830 г. и среди спасовцев д. Алёшково, к каковому моменту оно захлестнуло также д. Пешково. Перемена почти наверняка состояла в том, что во второй половине XVIII в. старообрядцы объединились в организованное сообщество (или сообщества), в котором отказ женщин от брака стал нормой»* (238).

Высокая доля безбрачных женщин-старообрядцев привела к тому, что демографическая нагрузка на двор увеличилась. Также росла напряженность в отношениях с соседями, которые не хотели выдавать своих дочерей во дворы, где практиковалась массовое безбрачие среди женщин. Но наиболее важным последствием отказа от брака стала гибель дворов.

Нельзя сказать, что все старообрядческие движения избегали брака. Наоборот, браки заключали в большинстве из них. С точки зрения автора, это значит, что отказавшиеся от замужества женщины принадлежали к тем направлениям старообрядчества, где отношение к браку было резко отрицательным. Д. Бушнелл считает, что большинство из таких дворов были спасовцами.

Нередко женщины сами принимали решение вступать или не вступать в брак. В тех селах, которые автор определяет как спасовские, брак был исключением из правил и родители поддерживали желание дочерей не выходить замуж. Автор приводит свидетельства, как родители выкупали своих дочерей за 350 руб. или устанавливали непомерную кладку для женихов: *«Твердая убежденность родителей в несправедности брака для женщин влияла на решения многих дочерей, и некоторые отцы и матери, вероятно, в своем стремлении удержать дочерей дома не ограничивались нравоучениями»* (173).

В чем же идеологическая, мотивационная основа высокого распространения безбрачия среди староверок Спасова согласия?

Основная идея староверов-беспоповцев заключалась в том, что мир, в котором мы живем, – это мир, в котором правит Антихрист: в нем больше нет никаких таинств и, следовательно, нет настоящих священников. А если в нем нет настоящих священников, то нет и возможности для заключения брака. Поэтому любой заключенный брак есть не что иное как блуд: *«Большинство отказывавшихся от брака молодых девиц, скорее всего, полагали, что у них есть веские причины оставаться старыми девами, поскольку они живут в мире, лишенном Божьей благодати и таинств, в мире, покинутом Богом, где они могут надеяться только на то, что их равнодушный Создатель – из одному Ему известных соображений – когда-нибудь проявит к ним интерес...»* (240).

Однако к середине XIX века крестьянки, принадлежавшие к Спасову согласию, начали выходить замуж. Этот коренной перелом был связан с решением, принятым на уровне религиозной общины и отменившим принцип, согласно которому женщины не должны вступать в брак. Таким образом, завершение истории сопротивления браку

позволяет нам с определенной степенью условности датировать период этого сопротивления 1750-1860 гг.

Джон Бушнелл проделал впечатляющую архивную работу. Он обратил внимание на документы, которые расширили наши представления о брачности среди русского крестьянства. Исследование Бушнелла помогает уточнить историю брачности в России. Книга более чем наполовину изобилует статистикой, что осложняет чтение рядовому читателю, ожидающего столкнуться с захватывающей историей, но определенно не может не радовать демографа, привыкшего к точному изложению фактов.

Вместе с тем, когда автор утверждает, что большинство жителей, сопротивлявшихся браку, были членами Спасова согласия, мы в действительности не можем быть уверены, что люди, о которых он говорит, были спасовцами. Бушнелл приводит косвенные свидетельства, которые так или иначе должны нам помочь идентифицировать их в качестве спасовцев. Но ведь не случайно в книге подчеркнуто, что замужества избегали отнюдь не только женщины из Спасова согласия: в первой половине XIX века к аналогичной стратегии прибегали женщины и из беспоповского Поморского согласия. Мы не исключаем, что часть старообрядцев, обозначенных как спасовцы, могли быть или федосеевцами, или поморцами.

Для демографа было бы интересно также посмотреть не только на судьбу реальных поколений отказавшихся от брака крестьянок, но и на то, как выглядела динамика индикаторов в различные годы, т. е. как себя вели демографические «условные поколения». Описание демографических последствий безбрачия было бы более убедительным при анализе рождаемости и смертности в вымирающих дворах.

Автор подробно останавливается на таких моментах, как влияние рекрутского набора и миграции крестьянок Спасова согласия на уровень жизнеспособности дворов. При этом он практически не пишет о сезонных особенностях брачности крестьян, что дало бы более полную картину истории брачности, особенно если учитывать, что по этой теме имеется достаточно материалов.

Согласно книге Д. Бушнелла, роль мужчины в сообществах Спасова согласия заключалась в том, чтобы поддерживать женщин на их нелегком пути. Иначе говоря, предполагалось, что готовность к самопожертвованию через безбрачие должны были проявлять женщины, а не мужчины, среди которых не наблюдалось значимых отклонений от привычной универсальной брачности. Означает ли это, что «экзистенциальное отчаяние», о котором пишет автор, было свойственно скорее женщинам, чем мужчинам?

Остается лишь надеяться – вслед за Д. Бушнеллом, – что «источники перестанут хранить молчание» (362), и в будущем мы сможем получить ответы на вопросы об эмоциональной жизни и убеждениях крестьянок Спасова согласия.

Литература

Бушнелл Дж. (2020). *Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовцы в XVIII–XIX веках*. М.: НЛО.